

власти многи други обрящеши, а при напасти ни единого» (Пчела, стр. 66, 69). Горькими впечатлениями от несправедливого суда подсказано сопоставление закона с «паучиной» (см. выше, стр. 20). Естественно, что такое изречение опиралось не на богословские нормы, а на реальную действительность.⁴⁸ Многие афоризмы рисуют образ «праведного судии», предупреждают, что лучше осудить виновного друга, чем невиноватого врага, зовут к нелицеприятному суду, однако практика подсказала афоризм, переживший многие века. С XI в. русский читатель знал изречение Иисуса Сираха: «Мзда и дарове ослепляют очи мудрых, да видяш-теи не видять» (Изборник 1076 г., стр. 362—363). Это метафорическое изображение силы взятки дожило в пословице до XIX в.: «Мзда и мудрых ослепляет очи» (Богданов, стр. 95). Произнося и сейчас пословицу «Слово не воробей: вылетит — не поймаешь» (Даль, стр. 417), мы уже не помним, что это меткое бытовое сопоставление идет от изречения Плу-тарха, помещенного в Пчеле: «Ни птицы упущены скоро можеши опять яти, ни слова, из уст вылетевша, възвратити можеши и яти» (стр. 195).

Сопоставление иногда разрастается в целую картину, которая вырази-тельна и сама по себе, независимо от того «человековедческого» вывода, который делает на ее основе автор. Например, в разделе «О чистоте и о це-ломудрии» помещена обширная выписка из «слова» Златоуста, доказы-вающая, как вредно действует на мужей «женская приближенья». Вся пер-вая часть этой выписки изображает, как можно обессилить льва: «Яко же кто, им льва, гордаго и грознаго его зря, и потом постриг его гриву и исторвав его зубы, и отрезав ногти, срамна его створить и смешна, древле страшнаго и нестерпимаго, и единымь рыканьемь вся потрясаю-щаго, тако же и женская приближенья» изменяют мужей, которые ста-новятся «мягци, безъстудни, бесмыслени, гневливи, сурови, раблични, несвободни, жестмци. . .» (Пчела, стр. 28).

Какие обобщенные безымянные типы представляли перед читателями учительных жанров? Обычно в заглавиях поучений и разделов сборников афоризмов типа Пчелы называются те понятия, о которых пойдет речь (о богатстве и убожестве и о сребролюбии, о лжи и о клевете и т. д.), однако и в самом содержании перед читателем вырисовываются образы людей, в характере и поведении которых обнаруживаются проявления этих понятий. В изображении носителей определенных качеств мы найдем не только «представления о том, каким должен быть этот человек» именно в отношении к данному качеству, но и вполне отчетливое, резко отрица-тельное описание того, каким он на самом деле бывает. И если прав Д. С. Лихачев, утверждая, что в идеализирующих жанрах «представле-ния о должном и о сущем» отождествлялись (Человек в литературе, стр. 104), то в учительных жанрах «предпочтения дедукции индукции» (там же) отнюдь не наблюдаются. Наоборот, поучения и афоризмы с осо-бым вниманием детально анализируют «сущее», чтобы привести читателя к мысли о необходимости осуществлять в жизни «должное».

Безымянные «богатый, сильный», «убогий, простой», «ласкавьць», «клеветник», «сребролюбьць», «учитель», «друг», «ярый гневный», «пья-ница» и т. д. наделены такими реалистическими чертами, что отрица-

⁴⁸ Крайнюю форму выражения этого отношения к закону со стороны властей на-ходим в повести «Александрия»: во время пребывания Александра Македонского в Индии ему показали два чудесных древа, говорящие человеческим голосом. Одно из них предсказало ему смерть в Вавилоне. Александр «помысли добры венца поло-жити на древех», но иереи сказали ему: «Не достонть сего творити. Аще ли на сильем твориши, твори еже хоцещи: цареви всяк закон не писан» (В. М. Истрин и Александрия русских хронографов. М., 1893, Приложения, стр. 88).